Культура — 2005. — 8–14 сент. — с. 11

"Коллекция людей" Сергея Женовача

Выпускной курс становится театром

В конце июня Сергей Женовач и его выпускной курс, чьи спектакли стали событием прошлого сезона, приняли решение создать студию, продолжить играть на московских площадках прежний репертуар и ставить новые спектакли. В июле появилось официальное название "Студия театрального искусства". В штат труппы вошли студенты актерской и режиссерской группы мастерской Сергея Женовача в ГИТИСе, а сам Женовач стал художественным руководителем.

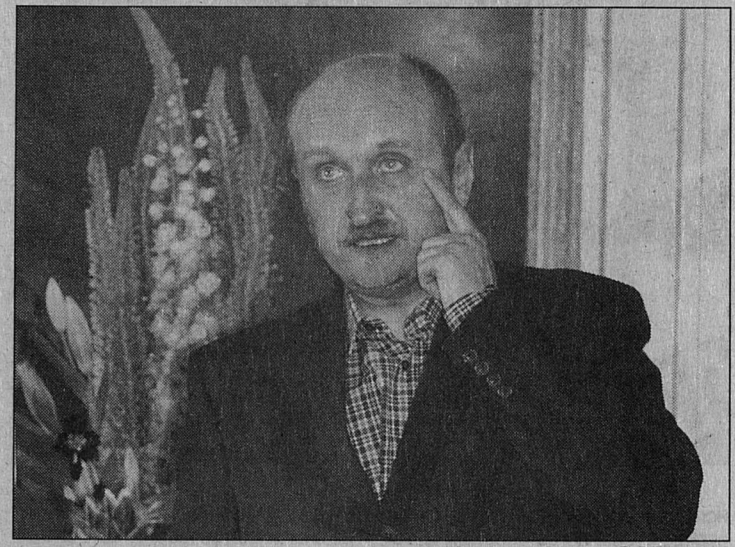
Только на первый взгляд кажется, что у Сергея Женовача нет художественной программы, что он чужд всякого рода сформулированным задачам. Программа есть: "Театр – это коллекция людей".

В слове "коллекция" нет привычного пыльно-музейного отзвука. В нем есть нечто утраченное, аристократическое. Коллекция людей – это еще и роскошь общения, его драгоценность. Еще в июле 2001-го, во время вступительных экзаменов, новый курс задумывался как команда, союз людей одной группы крови.

Вот уже четвертый год "женовачи" продолжают одну из главных традиций русского сценического искусства – театра как жизнетворчества. Питомцы Льва Додина когда-то бродили по берегам Пинеги, купались в одежде, жгли костры, учились у местных бабушек песням. У "женовачей" тоже есть своя Пинега. На втором, кажется, курсе они отправились в праздновавший Масленицу Суздаль. По фотографиям, оставшимся от поездки, не сразу отличишь студентов театрального вуза от шумной, нарядно-ярмарочной толпы.

Смешные Петрушки на ходулях, незатейливые народные танцы, катание с горы на санках – всем этим праздничным и неподдельно правдивым совсем скоро задышат спектакли. Девушек этого курса в ГИТИСе можно узнать по длинным, до пят, юбкам, почти таким же длинным косам, протяжным голосам, плавной походке.

Спектакли здесь рождаются не только и не столько из прочитанных пьес. Сценическую композицию к "Об-ло-мов-щи-не…" Герман Сидаков писал летом у себя на даче в подмосковном Клищине, и, наверное, поэтому в ней так много солнечного света, воспоминаний о самом теплом времени года. А "Мальчиков", признается Сергей Женовач, ему подарила Старая Русса: "Импульсом к созданию спектакля стала для меня поездка в Старую Руссу. Она ведь была неким прообразом Скотопригоньевска – места действия романа "Братья Карамазовы". Это удивительное место, где сохранился и ресторан, который раньше назывался "Старым городом", а теперь "Рушанка", и площадь, где Митя трепал за "мочалку" Снегирева, где есть камень, около которого мальчики хоронили Илюшу. Я гулял по этому городу и вдруг увидел, что под дождем мне навстречу идут мальчишки лет одиннадцати – двенадцати. Они шли, крепко взявшись за руки, и, не разрывая этой цепочки, обходили лужи. И возникло ощущение, что они очень похожи на мальчиков из романа Достоевского. И так как наш курс в ГИТИСе очень молодой, сразу захотелось написать композицию. Она сложилась очень быстро, буквально за месяц – полтора. Мы не стали делать распределение ролей. Все читали за всех. И только спустя некоторое время мы распределили роли. Каждый написал на листочке, кем он видит себя и своих однокурсников в спектакле. Это была интересная и полезная затея. Так мы, например, нашли Колю Красоткина и Алешу Карамазова".



С.Женовач

К выпускному июню окрепли, понастоящему зажили спектакли мастерской. "Поздняя любовь" повзрослела вместе с "женовачами" особенно заметно. Борьба с самим собой, мысль о том, что впереди его ждет любовь Людмилы, стали залогом возрождения Николая – Андрея Шибаршина.

"Мальчики" за несколько месяцев тоже подросли. В спектакле появилась некая "чертовщинка": Коля Красоткин стал пугать своей двусмысленностью. Его детский максимализм может быть слишком опасным. От осознания его последствий становится страшно.

"Об-ло-мов-щи-на…" – первенец курса, и, конечно, она о детстве, о самых счастливых снах. В героях садуровского "Ехай", как и в Обломове, живо заветное желание обрести покой, дом, радостный свет в окошках. В финальной сцене Илья Ильич возвращается в свою аркадию – в Обломовку. В спектакле "Ехай" надежду на свет родного дома оставляют только с оглушительным грохотом проносящиеся мимо вагоны ночного поезда да крошечные квадратики деревенских домишек в глубине сцены.

Но несмотря на то, что между спектаклями мастерской Сергея Женовача искать смысловые взаимопересечения можно сколь угодно долго, репертуар курса все же, кажется, состоит из трех пар кровных братьев. "Поздняя любовь" и "Об-ло-мов-щина…" – "психологизм" Островского и Гончарова в этих спектаклях перестает быть скучным, он весел, легок, изобретателен; "Как вам это понравится" и "Marienbad" – меланхолия и глубокий пессимизм Жака, бегущая от объяснений грусть курортного городка не способны заглушить зеленого шума Арденнского леса, заставить забыть о безобидном озорстве напропалую изменяющих супругов.

А "Мальчики" и "Ехай" стоят от этой "звенящей" режиссуры как будто в стороне. На первый взгляд в них не до воспевания безудержной молодости: ребенок умирает, человек на рельсы ложится. Но и здесь в гулкой пустоте финальных сцен есть счастье людского взаимообретения, есть спасительное единение душ и судеб. Эти Достоевский и Садур – не про смерть.

За последний год у "женовачей" как будто сами собой нашлись не только сценограф, художник по свету, стайка администраторов, помощник в создании сайта. У мастерской появился свой зритель. Причем обычно, раз придя на спектакль, пусть даже случайно, зрители потом или приходят на все остальные, либо уже не приходят никогда. В учебную аудиторию на 100 зрительских мест записываются за месяц пенсионеры и театральные критики, бизнесмены и студенты педвузов. Видимо, в спектаклях мастерской есть удачное соотношение элитарности и массовости театрального искусства. Они не боятся широкого зрителя.

Вот уже четвертый год "женовачи" показывают не учебные работы, а спектакли, изначально предусматривающие высокую эстетическую себестоимость. Парадокс их театра состоит в том, что в насквозь "режиссерских" спектаклях эту самую режиссуру распознать бывает очень сложно. В театре XX века длинная дистанция между буквальным пониманием текста и его сценической интерпретацией стала почти правилом. "Женовачи" же всегда идут от первоисточника и никогда далеко от него не уходят. Их точка зрения почти всегда совпадает с авторской. И это не слабоволие. Это мужественная попытка понять и выразить чужую правду, сделав ее своей.

Сейчас для студийцев главное – не перестать бороться. Надеясь на благосклонность судьбы, не обесценить саму идею единения, сохранить студийность не как фирменный знак, а как состояние души. Не допустить, чтоб учебные спектакли стали самыми значительными свершениями. Ведь главной опасностью может стать не отсутствие репетиционных комнат и дотаций. Самым трудным наверняка окажется момент перехода из студенческого блаженства в стадию профессионального театра, период, когда юношескую отвагу будет сопровождать творческое взросление.

Анастасия АРЕФЬЕВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ